

В. Д. КОРОЛЮК

ВОЛОХИ И СЛАВЯНЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Этноним волохи в применении к части населения Дунайского бассейна, вызвавший довольно оживленную полемику в нашей литературе, в «Повести временных лет» фигурирует трижды. По-видимому, не случайно в летописном тексте в двух случаях этноним волохи выступает рядом с именем славян. Летописные статьи о дунайских волохах настолько кратки, что их можно привести здесь полностью без всякого риска затруднить читателя. Зато, имея перед глазами анализируемые тексты, в дальнейшем легче будет следить за ходом рассуждения автора этих строк.

Дважды имя волохов появляется в историко-этнографическом введении, которым открывается «Повесть временных лет». В первый раз — при общем перечислении народов: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агияне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, венъдици, фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племянем хамовым»¹.

Вторично — при переходе от перечисления народов к освещению древнейших судеб славянского племени, его первоначального расселения: «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозех же времянях сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидаша по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте». Это расселение славян автор введения прямо связывает с вторжением волохов, о чем свидетельствует следующий текст: «Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, и седиши в них и насилищем им, словени же ови пришедше седоша на Висле...». Далее следует подробная характеристика расселения славянских племен, заканчивающаяся знаменитой фразой: «И тако разидеся словенъский язык, тем же и грамота прозвався словенъская»².

Наконец, в третий раз этноним волохи выступает в летописной статье, помещенной под 898 г. и рассказывающей о венгерском завоевании Паннонии: «Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское и пришедъше к Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се половци. Пришедшо от вѣстока и устремиша черес горы великия, яже прозваша ся горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи

¹ «Повесть временных лет» (далее ПВЛ), ч. I. М.— Л., 1950, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

и словени. Седяху бо ту прежде словени, и волохове прияша землю словенську. Посем же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша с словенами, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска»³.

Далее в статье вновь говорится о первоначальном единстве славян и о том, что славяне «седяху по Дунаеви, их же прияша Угри», рассказывается о деятельности Кирилла и Мефодия, который объявляется преемником апостола Андроника, в свою очередь, поставленного славянским епископом апостолом Павлом: «В Моравы бо ходил и апостол Павел и учил ту; ту бо есть Илорик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое»⁴. Вот и все, что сообщает наша летопись о дунайских волохах.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу этнической принадлежности волохов. Одни ученые пытались объяснить этноним волохи через скандинавское наименование жителей Нормандии — *Valland*, другие — видели в них римлян Траяна⁵. Были сторонники признания волохов кельтами, болгарами, гетами, готами и румынами⁶. В настоящее время под влиянием трудов А. А. Шахматова⁷ в нашей литературе наиболее распространено мнение, что в летописных волохах следует усматривать франков. В связи с этим и термин «Волошская земля», употребленный летописцем в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», предлагается считать синонимом Франкской империи, затем Священной Римской империи⁸.

Основанием для такого решения вопроса является следующий ход мыслей: летопись определенно помещает под 898 г. рассказ о завоевании венграми Паннонии; поскольку до прихода венгров можно говорить только о франках как о народе, установившем свою власть над жившими «ту прежде» славянами, поскольку именно франков мог иметь в виду летописец, упоминая волохов, напавших на славян, поселившихся среди них и затем изгнанных венграми.

Хотя это объяснение и кажется на первый взгляд самым простым и очевидным, в действительности спорность его сразу же бросается в глаза при более внимательном чтении летописного текста и прежде всего того отрывка, где упоминается Волошская земля. Поскольку ранее соответствующее указание летописца не цитировалось, приведем здесь его полностью и в контексте: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седять варязи семо ко въстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягсы и прочии, ти же приседеть от запада к полуденью и съседяться с племенем хамовым»⁹.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ ПВЛ, ч. II, М.—Л., 1950. См. комментарий Д. С. Лихачева, стр. 211—213.

⁶ Подробный обзор мнений см. М. Г у о н i. *Les Volochs des Annales primitives de Kiev. «Etudes Slaves et Roumaines»*, vol. 2, f. 2. Budapest, 1949. Сам автор склонялся к тому, чтобы признать их неолатинским населением среднего Подунавья, исчезнувшим в результате венгерского завоевания. Старороманским населением считают волохов молдавские историки. См. «История Молдавской ССР», изд. 2, т. I. Кишинев, 1965, стр. 65.

⁷ А. А. Шахматов. Волохи Древней русской летописи. «Известия Таврической научной архивной комиссии», № 54, Симферополь, 1918.

⁸ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970, № 10, стр. 31. Д. С. Лихачев, впрочем, не считает вопрос об этнической принадлежности волохов решенным окончательно, оставляя его открытым. ПВЛ, ч. II, стр. 211.

⁹ ПВЛ, ч. I, стр. 10.

В процитированном отрывке четко выделяются две линии летописного изложения: с одной стороны, дается характеристика протяженности Варяжского (Балтийского) моря, которое, по представлениям летописца, огибает Европу с севера на восток и доходит до стран семитических народов и с севера на запад и юг, достигая стран народов хамитского корня, а с другой — перечисляются народы, живущие по его побережью. В числе их действительно есть франки, но упоминаются они под именем королязей или немцев королязей¹⁰, а не волохов. Последние помещены отдельно. Поскольку последовательность перечисления народов не вполне ясна в летописи: варяги, шведы, норманы (урмане), готы, русь, агньяне (англы), галлы или жители Уэлса (галичане)¹¹, волохи, римляне, немцы, франки (королязи), венецианцы и генуэзцы,— окончательно судить о местожительстве волохов по самому расположению этнонимов нет возможности. Зато гораздо более показательно замечание летописца о Волошской земле как последнем пункте Варяжского моря на юге по соседству с хамитическими народами. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что взгляд летописца на Балтийское море как на длинную водную полосу, простирающуюся далеко на восток до земель семитических народов, аналогичен представлениям как восточных¹², так и западных современников¹³. Вместе с тем русскому летописцу, очевидно, известна была и возможность путешествия из Прибалтики, огибая Европу, в Средиземноморье, плывя тоже, так сказать, вдоль побережья Балтийского (Варяжского) моря. Об этом он прямо говорит при описании пути из Варяг в Греции: «... бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидет устье в море Варяжскоє. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река»¹⁴. Несколько ниже, возвращаясь к морскому пути вокруг Европы, летописец еще раз говорит о возможности плавания «по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова»¹⁵.

Сопоставляя этот последний отрывок с процитированным выше описанием Варяжского моря, легко заметить, что, по летописцу, именно Рим в одном случае и Волошская земля — в другом были конечным пунктом, откуда можно было начинать плавание в страны, населенные хамитическими народами. Сопоставление это дает право лишь на один вывод: под Волошской землей летописец мог понимать только Италию, где он, возможно, помешал, наряду с волохами, не только римлян, венецианцев и генуэзцев, но даже и франков. Но отсюда следует, что под волохами он в данном случае не только не понимал франков, но и четко отделял их, волохов, от современных ему римлян, венецианцев и жителей Генуи.

Кто же в таком случае волохи нашей летописи?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать в совокупности сообщения историко-этнографического введения к «Повести временных лет» о волохах. Но сначала несколько слов о самом введении, его месте и задачах в системе летописных известий.

¹⁰ Там же, ч. II, стр. 212.

¹¹ Там же.

¹² Н. П. Барсов. Очерк русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 15.

¹³ А. Г. Кузминин. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 12. Об этом же пути в Рим с юга через Русь рассказывается в «Хождении» апостола Андрея, вошедшем в состав русской летописи. Там же.

«Повесть временных лет» является памятником начала XII в. Она была составлена, по-видимому, около 1113 г. в Печерском монастыре. Составителем и редактором этого монументального исторического труда был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, которому принадлежит и историко-этнографическое введение к «Повести». Все это в настоящее время достаточно подробно рассмотренные и проаргументированные факты из истории русского летописания¹⁶. Как историк Нестор очень широко понимал свою задачу редактора и составителя общерусского свода. В историко-этнографическом введении в соответствии с христианскими представлениями о единстве человеческого рода он начинает свой рассказ от библейского «всемирного потопа» и распределения земли между сыновьями Ноя. Будучи горячим патриотом и человеком высоких общеславянских чувств, Нестор, опираясь на свои представления о единстве языка и происхождения славянских народов, стремится определить их место среди народов Европы. Признав славян потомками Ноя и Яфета, он тем самым не только связывает историю славян с общеевропейским историческим процессом, но и указывает в нем вполне определенное место Руси, которая понималась им как естественная участница европейской жизни.

В литературе уже отмечалось, что ярко отразившееся на страницах Несторовой летописи общеславянское сознание было результатом сложного синтеза, в котором участвовали не только местные народные представления и предания, реальный политический и культурный опыт Руси X—XI вв., но и элементы византийской образованности, великоморавской Кирилло-Мефодиевской традиции¹⁷, которая могла проникнуть на Русь X—XI вв. как из Чехии, так и с Балканского полуострова.

Признание большой точности сведений летописца о славянах, особенно западных, вполне согласуется с тем, что развиваемая Нестором теория дунайской прародины славян была всего лишь чисто ученой комбинацией, сложившейся не без сильного воздействия Кирилло-Мефодиевской традиции¹⁸. В данном случае, однако, важно не столько подчеркнуть сам по себе чисто ученый, умозрительный характер этой теории, сколько отметить важность ее для Нестора, как звена, связывающего историю славян и Руси с историей общеевропейской.

В самом деле, определяя славянскую прародину на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска», русский летописец связывал историю славян, историю Руси не только с Великоморавской державой и миссией Кирилла и Мефодия. Несколькими строками выше он ведь уже отождествил древних славян с «нарцами»: «От сих 70 и 2 языку бысть язык словенеск от племени Афетова, нарци, еже суть словени».

«Нарци» или норики — население древней римской провинции Норика, впоследствии заселенной славянами. Трудно сказать, опирался ли, отождествляя нориков со славянами, Нестор на какое-либо предание или другого рода источник русского происхождения¹⁹, существенно, однако, что с помощью этого отождествления славяне и Русь оказывались непосредственно связанными с исторической судьбой Римской империи.

В том, что мысль русского летописца работала именно в этом направлении, в том, что он сознательно стремился связать древние судьбы славян

¹⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Петроград, 1916, стр. I—XII; ср. ПВЛ, ч. II, стр. 107—109.

¹⁷ В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. Сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 109—112.

¹⁸ Там же, стр. 110.

¹⁹ Ср. комментарий Д. С. Лихачева. ПВЛ, ч. II, стр. 213.

и Руси с державным Римом на страницах своего историко-этнографического введения к «Повести временных лет», полностью убеждает летописная статья 898 г., в которой Моравия прямо отождествляется еще с одной римской провинцией Иллириком, причем подчеркивается, что «ту бо беша словене первое». Очень важно, что сообщение об «Илюрике» как древнейшей прародине славян, а следовательно и Руси, ибо «словенъский язык и руский одно есть, от варягбо прозвашася Русью, а первое беша словене»²⁰, сопровождается рассказом о проповеди здесь апостола Павла, который оказывается таким образом первым славянским и русским вероучителем («Тем же и словенъску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел...»), основателем славянской и русской церковной организации («понеже... поставил есть (Павел.— В. К.) епископа и намесника по себе Андроника словенъску языку»). А это дает право считать в свою очередь и Мефодия «настольником Андрониковым».

Типичная для средневекового мышления искусственная научность рассмотренной историографической комбинации не вызывает сомнения, как не может вызывать сомнения и ее источник — великоморавская традиция, в которой происхождение моравского христианства тоже связывалось с деятельностью апостолов Петра и Андроника, а Мефодий рассматривался как преемник Андроника²¹. Постулируемая летописцем связь с Римом действительно является всего лишь чисто средневековой ученой схемой, однако нет основания думать, что это была всего-навсего теоретическая историографическая схема. За ней угадывается четкая политическая и идеологическая линия: доказать связь славян с древней Римской империей, с помощью Рима ввести славян в круг народов, непосредственно воспринявших христианство от апостолов Христа, и тем самым — и это, конечно, главное — превратить Русь из византийской ученицы в носительницу древних христианских начал, именем апостола Павла, а не преемственностью от Константинополя освятить принадлежность Руси к восточному христианству с церковнославянским языком богослужения. Перед нами таким образом ученая схема, перерастающая в широкую идеально-политическую платформу, отражающую могучее державное и национальное самосознание Древней Руси.

Резкое обострение русско-византийских отношений, приведшее к войне 1116 г., вероятно, поможет разъяснить отчетливо антивизантийский характер развивающейся русской летописью концепции происхождения христианства на Руси²². Только учитывая широкую идеально-политическую платформу летописца, его настойчивый поиск связей первоначального славянства с древней Римской империей, и следует, по-видимому, рассматривать появление волохов в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет». Выше уже говорилось, что под Волошской землей летописец мог понимать только Италию — территорию древней Римской империи. Показательно, что русская летопись нигде не пытается точно датировать волошское вторжение на древнеславянские земли. Волошское завоевание не ставится ею ни в какую хронологическую взаимосвязь ни с болгарским, ни с аварским²³. Летописец не датирует точно

²⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 23.

²¹ См. «Житие Мефодия». *Magnae Moraviae Fontes Historici*, t. II. Brno, 1967, p. 150, 153; ; ср. «Проложное житие Константина и Мефодия». Там же, стр. 166. Показательно, что связь дела Кирилла и Мефодия с апостолом Павлом подчеркивается в более поздней традиции конца X в. См. «Легенду Климентана» (там же, стр. 190) и греческое «Житие св. Климента» (там же, стр. 210, 216). Это — продолжение линии, четко наметившейся еще в «Житии Константина» (там же, стр. 111).

²² В. Т. Пашут о. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 186—187.

²³ Там же, стр. 14.

вторжение волохов, он знает только, что пришли они до венгров и изгнаны были венграми, о чем и сообщает в статье под 898 г.²⁴ Зато он уверенно связывает вторжение волохов на территорию дунайских славян с последующим расселением славян по восточноевропейской равнине, о чем уже говорилось выше. Следуя логике летописца, мы вынуждены были бы в таком случае исключить возможность отнесения им волошского вторжения к периоду, непосредственно предшествовавшему венгерскому завоеванию. Ведь венгры двигались южнорусскими степями. Летописец даже думает, что «идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское», где давным-давно уже жили переселившиеся, по летописцу, с Дуная поляне, «яже ныне зовомая Русь»²⁵.

В таком случае остается только одно — предположить, что в волохах, которых летописец отличал от современных ему жителей Рима, Венеции и Генуи, он видел древних римлян, в свое время покоривших дунайские славянские племена и принудивших их к переселению из прародины. Думать, что такая картина славянского расселения основывается на каких-либо особых, известных только русскому летописцу источниках, очевидно, нет оснований. Волошское завоевание в изложении летописца, видимо, тоже можно было бы возвести к великоморавской традиции и признать столь же искусственной логической историографической схемой, как повествование о славянской миссии апостола Павла. Более того, можно полагать даже, что схема эта была в глазах летописца очень важным звеном в его поисках связей первоначального славянства с древним Римом. Ведь именно благодаря волохам, древние славяне на какое-то время становились, по летописцу, деятельными участниками римской истории. Но если волохи — римляне, очевидно, это не тот народ, с которым могли бы столкнуться на Дунае венгры. Следовательно, под волохами в «Повести временных лет» понимается два разных народа.

Нам предстоит теперь выяснить, каким образом произошло в русской летописи такое смешение, и решить вопрос о том, почему именно волохи были избраны летописцем в качестве столь важного связующего звена между историей славян и Руси, с одной стороны, древнего Рима — с другой. Опирался ли он только на предшествующую письменную традицию, играло ли здесь роль созвучие «волохи» и «волошская земля» или у летописца могли быть какие-то более конкретные сведения о дунайских волохах. А в связи с этим мы должны переместить центр своего исследования с предисловия к «Повести временных лет» на летописную статью 898 г.

Статья эта, помимо известий о завоевании венграми Паннонии, разгроме Великоморавской державы, содержит еще сказание о деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии — переводе на славянский язык богослужебных книг. Особенностью сказания является очевидное влияние на него литературной кирилло-мефодиевской традиции, что, естественно, привлекало к нему внимание большого круга исследователей. Характеризуя состояние вопроса в целом, следует выделить два основных направления в его разработке. Одно из них представлено одинокой фигурой Н. К. Никольского, считавшего сказание остатком древнейшей киевской летописи о Поляно-Руси. Летопись эту он возводил к реконструируемому им сочинению, возникшему в западнославянской среде в кирилло-мефодиевском окружении и содержащему рассказ о Норике, Иллирике, славянской прародине. Впоследствии, по мнению Н. К. Никольского, киевская летопись, основанная на западнославянском ис-

²⁴ Там же, стр. 21.

²⁵ Там же.

точнике, была кардинально переработана редактором-норманистом, сторонником греческой ориентации²⁶.

Концепции Н. К. Никольского, с самого начала встретившей серьезную критику²⁷, противостояла точка зрения А. А. Шахматова, считавшего, что сказание является редакторской вставкой в летопись начала XII в., основанной на источнике особого происхождения²⁸. Назвав этот источник «Сказанием о преложении книг», А. А. Шахматов полагал, что оно состояло из трех частей: рассказа о расселении славянских народов, собственно сказания о переводе богослужебных книг на славянский язык и сообщения о венгерском завоевании, крещении венгров и борьбе пражского епископа Войтеха против богослужения на церковнославянском языке. В «Повесть временных лет» «Сказание о преложении книг» вошло не целиком. В ней практически отсутствует вся третья часть реконструируемого А. А. Шахматовым «Сказания». Издавая в 1916 г. восстановляемый им текст «Повести временных лет», А. А. Шахматов отметил всюду, и в историко-этнографическом введении к «Повести» и в статье 898 г., те тексты, которые возводились им к «Сказанию о преложении книг»²⁹. В число этих текстов вошли и сообщения летописи о волохах и славяно-волошских отношениях³⁰.

Если трактовку статьи 898 г. как редакторской вставки, основанной на особом источнике, нельзя не признать в высшей мере удачной, то предложенная А. А. Шахматовым реконструкция этого источника — «Сказания о преложении книг» все же не может быть признана полностью бесспорной³¹. Она вызвала в свое время довольно оживленную полемику, в частности полемизировал с Шахматовым Н. К. Никольский. Особенно неудачной представляется реконструкция А. А. Шахматовым «Сказания» в третьей его части, связанной с характеристикой Войтеха Славниковца как противника богослужения на славянском языке. Такая оценка его деятельности настолько явно противоречит материалу других источников, что ни в коем случае не может быть признана ни современной, ни даже сколько-нибудь близкой к его времени³². Впрочем, вопрос о фигуре Войтеха Славниковца и происхождении русских известий о гонениях Войтеха на церковнославянский язык богослужения является вполне самостоятельным.

Почти одновременно с работой А. А. Шахматова вышел труд Й. Пекаржа, отметившего некоторые совпадения между разбираемыми известиями «Повести временных лет» и древнечешской легенды Кристиана³³,

²⁶ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. «Сборник по русскому языку и словесности», т. II, вып. 1. Л., 1930.

²⁷ См. рецензию Г. А. Ильинского на труд Н. К. Никольского в «Byzantinoslavica», г. II, sv. 2, Praha, 1930. Ср. В. М. Истрии. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. «Byzantinoslavica», г. III, sv. 2, Praha, 1931; г. IV, sv. 1, Praha, 1932.

²⁸ А. А. Шахматов. Сказание о преложении книг на словенский язык. *Jagić-Festschrift*, Berlin, 1908.

²⁹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I, стр. 5, 6, 11, 25, 26.

³⁰ Там же, стр. 5, 11, 25.

³¹ О. Кралик. Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 179.

³² О. Кралик. Крещение Боржигова и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии. ТОДРЛ, т. XIX, стр. 158—159; В. Д. Королюк. Западные славяне и Киевская Русь X—XI вв. М., 1964, стр. 161—162.

³³ Ј. Рекаř. Die Venzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians. Prag, 1906, S. 184.

датировка которой концом X в., на наш взгляд, может быть признана достаточно доказанной³⁴. Опираясь на сопоставление «Повесть временных лет» — легенда Кристиана, на что обратил уже внимание и Г. А. Ильинский³⁵, попытался развить точку зрения Н. К. Никольского и пересмотреть реконструкцию А. А. Шахматова Р. Якобсон³⁶. Согласно его предположениям, «Повестью временных лет» в виде «Сказания о преложении книг» было непосредственно воспринято старославянское сочинение, возникшее еще в эпоху Моймира II. Оно же, но уже в латинской версии, было использовано Кристианом. На русской почве «Сказание» было отредактировано и дополнено составителем летописного свода. Критический анализ концепции Р. Якобсона привел, впрочем, последнего исследователя этого вопроса О. Кралика к мысли, что параллели между легендой Кристиана и «Повестью временных лет» могут быть объяснены как факт оживленного культурного общения Руси с Чехией XI в.³⁷. Русской летописью была использована особая обработка житий Константина и Мефодия, дополненных трудом Кристиана. Обработка эта возникла в Сазавском монастыре во второй период его деятельности³⁸. О. Кралик не исключает даже возможности прямого личного контакта Нестора с Сазавским монастырем³⁹.

Так обстоит дело с источниками летописной статьи 898 г. и корреспондирующими с ней текстов историко-этнографического введения к «Повести временных лет» в литературе. Как бы ни решился вопрос этот в дальнейшем — в пользу ли великоморавского, что наиболее, пожалуй, вероятно, чешского или даже русского происхождения «Сказания о преложении книг», совершенно очевидно одно: ни один из этих вариантов решения не оставляет места для гипотезы о волохах-франках.

Выше уже было показано, что франки были известны русскому летописцу не под именем волохов, а под другим именем. Невероятно было бы предполагать, что в Великой Моравии или Чехии всем хорошо известные франки могли бы выступать под совершенно чуждым им именем волохов⁴⁰. Более того, можно даже определенно утверждать, что если возводить соответствующие статьи о славяно-волошских отношениях и расселении славян из Дунайской прародины к великоморавской или чешской традиции, то волохами, без всякого сомнения, придется считать древних римлян, и итальянцев, с одной стороны, и, возможно, какое-то местное старое романизированное население, долгое время жившее среди славян, — с другой. Наличие такого населения оправдывало бы появление конструкции о римском завоевании славянской прародины.

В сущности говоря, к аналогичным выводам мы пришли выше, анализируя тексты летописи, взятые сами по себе. Но если летописный рассказ о деятельности Кирилла и Мефодия, о переводе богослужебных книг на церковнославянский язык, наконец, о венгерском погроме Великой Моравии так или иначе действительно вводит нас только в круг тех или

³⁴ О. Кралик. Крещение Боржигоя ..., стр. 159—168.

³⁵ Там же, стр. 433—436.

³⁶ R. Jakobson. Minor native sources for the early history of the slavic church. «Harvard Slavic Studies», v. II. Cambridge Mass, 1954.

³⁷ Подробно русско-чешские культурные связи XI в. рассмотрел А. И. Рогов. Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности». М., 1970, стр. 10—30.

³⁸ О. Кралик. Повесть временных лет ..., стр. 200—203.

³⁹ Там же, стр. 203.

⁴⁰ Великоморавская традиция знает франков и под собственным именем и под именем немцев. Термин «Влахи» означает в ней Италию. «Magna Moraviae Fontes Historici», t. II, p. 102, 144, 166, 212 et al.

иных кирилло-мефодиевых письменных памятников, предшествовавших «Повести временных лет», то с тою же определенностью сказать это о части текста летописной статьи 898 г. о славянах и волохах и их взаимоотношениях, нельзя. Чтобы убедиться в этом, вернемся к ней вновь.

Она начинается с упоминания о движении венгров через Русь «мимо Киев горою», причем говорится, что гора в связи с этим «ся зоветь ныне Угорьское». Уже в этой фразе чувствуется, что летописец пользовался какими-то местными топонимическими преданиями⁴¹. Несомненно под впечатлением устных рассказов и «припоминаний» характеризует он и образ жизни венгров, сравнивая его с половецким⁴²: «... и пришедши к Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се половци». Собственные сведения чувствуются у летописца и в рассказе о дальнейшем продвижении венгров на запад: «Пришедшо от въстока и устремишаася через горы великия, яже прозвашася горы Угорьския...» Выше горы эти — Карпаты — были названы летописцем Кавкаисинскими⁴³. Вместе с тем обращает на себя внимание почти буквальное совпадение части летописной статьи 898 г. о славянах и волохах с соответствующим текстом историко-этнографического введения к «Повести временных лет» и, очевидно, ее письменного источника.

Однако совершенно непонятной оказывается сама датировка рассматриваемой статьи 898 годом. Дата эта не соответствует ни первым сведениям о появлении венгров в Дунайском бассейне (ок. 839 г., а затем в 862 г.), ни времени деятельности в Моравии и Паннонии Кирилла (ум. в 869 г.) и Мефодия (ум. в 885 г.), ни даже времени разгрома Великоморавской державы венграми (начало X в.)⁴⁴.

А. А. Шахматов полагал, правда, что дата эта была взята летописцем из «Сказания о преложении книг», где под 898 г. рассказывалось о завоевании венграми среднего течения Дуная⁴⁵. Неясным остается, однако, почему именно эта дата (а не более тесно связанные с текстом хронологические вехи) была использована летописцем или вообще существовала в первоначальном источнике — «Сказании».

Гораздо более перспективным представляется сопоставление 898 г. с очень близкой ему датой итальянского похода венгров 899 г., когда ими, по показанию источников, была опустошена вея Италия⁴⁶, т. е. «Волошская земля» нашей летописи. Если допустить возможность осведомленности летописца в той или иной форме об итальянском, т. е. волошском походе венгров 899 г., то мы действительно получим возможность понять как смысл датировки рассматриваемой летописной статьи 898 годом, так и ее внутреннюю логику. Если летописец знал о большом волошском походе, то вполне логично, что он начал рассказ о венгерских войнах не со столкновений венгров с болгарами или моравцами, а с борьбы их с волохами, под которыми он мог понимать только потомков римлян или вообще романализированное население: «... и почаша (венгры). — В. К.) воевати на живущая ту волохи и словени... Посем же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту...». Ведь лишь расправившись с основным противником, можно было начинать борьбу с другими соседями: «и начаша воевати угри на греки, и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску даже и до

⁴¹ ПВЛ, ч. II, стр. 256.

⁴² В. П.. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX. в. В сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 173.

⁴³ ПВЛ, ч. I, стр. 10.

⁴⁴ H. Łowmiański. Roczałki Polski, t. IV. Warszawa, 1970, s. 387—392.

⁴⁵ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 83.

⁴⁶ H. Łowmiański. Ibid., s. 391.

Селуя. И начаша воевати на мораву и на чехи»⁴⁷. Вместе с тем станет и совершенно обоснованным, логически вполне закономерным помещение под 898 г. не только рассказа о Кирилле и Мефодии, но и искусственной конструкции о славянской миссии апостолов Павла и Андроника.

Само собой разумеется, что сделанное нами допущение предполагает какой-то особый, не связанный с кирилло-мефодиевской традицией источник сведений русского летописца. Источник этот мог повествовать как только об одном волошском походе венгров, так и длительном совместном проживании на одной территории славян с волохами (о чем твердо говорит летопись), закончившемся изгнанием волохов венграми и походом венгров в Волошскую землю. В том случае, если бы в источнике этом содержались только сведения об итальянском набеге венгерских кочевников, соответствующее показание летописи о сосуществовании славян с волохами пришлось бы признать всего лишь ученой, умозрительной конструкцией летописца или элементом «Сказания о преложении книг».

Пытаясь определить характер такого источника русской летописи, напомним одно наше наблюдение. Летописец мог датировать изгнание волохов из среднего Подунавья, но у него не было данных ни для того, чтобы определенно хронологизировать волошское завоевание славян, ни даже соотнести его с нашествием болгар и авар. В одном месте в его изложении венгры даже непосредственно следуют за болгарами: «Словенску же языку, яко же рекохом, живущю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви и населници словеном быша. Посемь придоша угри белии⁴⁸, и наследиша землю словенскую»⁴⁹.

Надо думать, что неясность в хронологии определялась именно характером и составом имевшихся у летописца сведений. Вместе с тем как раз отсутствие у него твердых сведений о последовательности смены населения в среднем Подунавье помогает понять, каким образом в труде Нестора произошла контаминация понятий волохи — древние римляне и волохи — довенгерское население Паннонии. О последнем он имел, очевидно, какие-то особые сведения, не восходящие к кирилло-мефодиевской традиции. Сведения такого рода могли поступать к нему из самых разнообразных источников. В свое время, анализируя летописные известия об аварах и дулебах и сравнивая их с данными хроники Псевдо-Фредегара, нам, думается, удалось показать, что одним из возможных источников летописи была устная западнославянская традиция⁵⁰.

Пользуясь методом сопоставления с другими ранними источниками по истории соседних стран, можно, наверное, попытаться решить и загадку летописной статьи 898 г. Речь идет о сочинении венгерского Анонима — потария венгерского короля Белы III «Деяния венгров» (*Gesta Hungarorum*). Источник этот, правда, довольно поздний. В литературе составление его датируется 1196—1203 гг.⁵¹. Как показал В. П. Шушарин, относиться к его сообщениям приходится с большой осторожностью⁵². Основанное не на письменных источниках, а на переработанных в панегирическом для венгерской знати духе устных преданиях, сочинение потария короля Белы III дает крайне тенденциозную картину завоевания венграми их новой родины в Центральной Европе. Оно содержит большое

⁴⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 21.

⁴⁸ Здесь явная ошибка летописца, имеются в виду черные угры — венгры. Там же, ч. II, стр. 224.

⁴⁹ Там же, стр. 14.

⁵⁰ В. Д. Королюк. Аварты (обры) и дулебы русской летописи. «Археографический ежегодник за 1962 г.». М., 1963.

⁵¹ В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в., стр. 132.

⁵² Там же, стр. 137—145 и др.

число передержек, часто фантастических подробностей и вымыщленных речей и страдает обычным для средневековых сочинений пороком — актуализацией событий прошлого, т. е. перенесением в прошлое картины современных автору отношений, понятий, даже общей историко-географической обстановки. Актуализация эта имеет в хронике Анонима особенно яркий, назойливый характер.

Подчеркивая все эти специфические черты источника, позволяющие даже характеризовать его как особое эпическое произведение, в определенной мере подчиняющееся не столько законам исторического сочинения, сколько логике произведения художественного, мы все же не вправе полностью игнорировать его показания о ходе венгерского завоевания паннонской низменности. И дело здесь не только в скудости источников по истории раннефеодальной Венгрии, но и в том, что Аноним конца XII—начала XIII в., как это признает один из последних исследователей вопроса В. П. Шушарин, в определенной мере опирался на более раннее историческое сочинение — *«Gesta Ungarorum»*, являвшееся общим протографом более поздних венгерских хроник. Этот труд возник либо в 1091—1092 гг., либо даже в середине XI в.⁵³.

Среди многочисленных подробностей, приводимых Анонимом 1196—1203 гг. о движении венгров через южнорусские степи и о завоевании ими Паннонии, внимание исследователя летописной статьи 898 г., естественно, должно привлечь сообщение венгерского хрониста о составе населения среднего Подунавья накануне венгерского переселения. Эти земли, по словам Анонима, населяли тогда славяне, болгары и влахи, т. е. волохи русской летописи (*Sclavi, Bulgarii et Blachii*), а также паствуши римлян (*pastores Romanorum*)⁵⁴.

Любопытно, что сведения эти, по Анониму, венгры получили на Руси от русских князей. В дальнейшем Аноним рассказывает о победоносном сражении венгерского вождя Тетеня (*Tuhutum*) с отрядом влахов-волов во главе с Гелу (*Geleou*)⁵⁵.

Если подробности разгрома волов Тетенем действительно можно было бы отнести к числу домыслов автора хроники, если в качестве домысла можно даже трактовать его сообщение о том, что сведения о населении Паннонии венгры получили от русских князей еще во время пребывания на Руси, то существенно иначе обстоит дело с указанием Анонима о воловах и славянах как довенгерском населении Паннонии.

Правда, будь это его указание совершенно изолированным в источниках, мы бы тоже, учитывая отсутствие других сколько-нибудь твердых данных о наличии в рассматриваемом регионе романизированного населения, известного впоследствии под именем волов, имели бы, пожалуй, право отвести сведения Анонима о воловах ввиду актуализации им событий прошлого. Такое решение вопроса исключается, однако, тем, что волов знают русская летопись, по точному смыслу которой речь должна идти о длительном периоде существования славян и волов на одной и той же территории.

Думается, что заслуживает также известного внимания сообщение Анонима о болгарах. У него они в качестве будущих противников венгров в Центральной Европе поставлены даже впереди волов, сразу же за

⁵³ Там же, стр. 144—147.

⁵⁴ «Dicebant enim quod ibi confluenter noblissimi fontes aquarum, Danubius et Tyscia et alii noblissimi fontes bonis piscibus habundantes, quam terram habitarent Sclavi, Bulgarii et Blachii ac pastores Romanorum». «Scriptores Rerum Hungaricarum», v. I. Budapestini, 1937, p. 45, ср. р. 66. Есть русский перевод первых глав Анонима — см. В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 135—145.

⁵⁵ Там же, стр. 66—69.

славянами. В летописной статье 898 г. о болгарах вообще не говорится (речь о них идет только в историко-этнографическом вступлении к «Повести временных лет»). Между тем известно, что впервые в Дунайском бассейне венгры появляются около 839 г., когда они совершают нападение на македонских славян, переселенных болгарским ханом Крумом в район устья Дуная и пытавшихся вернуться на родину⁵⁶. Через двадцать пять лет венгры активно действуют уже в Центральной Европе, совершив в 862 г. опустошительный набег на владения Людовика Немецкого. Можно думать, что в данном случае они действовали по соглашению с болгарами⁵⁷. Так или иначе, контакты кочевников-венгров с болгарами возникли еще до окончательного переселения венгров в Дунайскую низменность, которое нет основания датировать временем ранее 892 г.⁵⁸.

В свете этих ранних венгерско-болгарских контактов упоминание Анонима о болгарах в Паннонии приобретает логический смысл и заставляет с еще большим вниманием относиться к остальной части его сообщения о населении Паннонии в довенгерский период.

Рассказ Анонима о переселении венгров в Паннонию, его сообщение о том, каким образом кочевники-венгры получили сведения о ней и ее населении (от русских князей), не оставляют сомнений в том, что Аноним в данном случае опирался на какие-то устные предания. Существовали, как это было показано выше, и отразились в летописи устные предания о движении венгров на запад и на Русь. При таких условиях было бы вполне обоснованным полагать, что в летописи, как и у Анонима, сообщение о волохах в Паннонии появилось в результате использования летописцем не только письменной, но и прежде всего устной традиции. Грудно сказать, правда, каким образом эта устная традиция о волохах возникла на Русь. Нет оснований предполагать ее местное происхождение. Скорее всего, она была занесена на Русь извне, причем не исключено, что она могла проникнуть сюда как из собственно венгерской среды, так и от славян, живших в Центральной Европе, и затем в переработанном виде сохраниться в древнерусской литературе в виде летописной статьи 898 г.

Итак, наше исследование летописных текстов о славянах и волохах подошло к концу. Подводя итоги, можно сформулировать его основные положения:

1. Под «Волошской землей» «Повести временных лет» нет оснований понимать Франкскую империю Каролингов или Восточнофранкское королевство. Русский летописец связывал с «Волошской землей» территорию современной ему Италии, а также мог подразумевать под этим термином древнюю Римскую империю.

2. Сведения о волохах в Паннонии были использованы Нестором для развития и обоснования своей искусственной, чисто умозрительной теории происхождения славянских народов и их первоначальной связи с древним Римом. Под волохами русским летописцем понимались как древние римляне, так и местное, неславянское население среднего Подунавья.

3. Теория славянской прародины и древнего волошского завоевания должна была доказать древнеапостольский, независимый от Византии источник возникновения христианства у славян и на Руси. Она отражала необычайно возросшее державное и национальное самосознание Руси в конце XI — начале XII в. при Несторе-летописце.

4. Если предположение о наличии у летописца сведений об итальянском набеге венгров 899 г., чем могла бы объясняться датировка летописной

⁵⁶ H. Łowmiański. Ibid., s. 387.

⁵⁷ Ibid., s. 388.

⁵⁸ Ibid.

статьи именно 898 годом, пока может претендовать только на роль чисто логической гипотезы, то сопоставление летописной статьи 898 г. с данными венгерского Анонима 1196—1203 г. определенно убеждает в том, что в основе летописных сведений о волохах лежит устная традиция. Эта традиция могла проникнуть на Русь как из венгерской, так и из собственно славянской центральноевропейской среды. Признание устной традиции в свою очередь приводит к выводу о сложном, основанном на двух различных источниках составе летописных статей о волохах. В своем настоящем виде они представляют собой ученую комбинацию сведений о волохах — древних римлянах, основанных на великоморавской традиции, с данными современной летописцу устной традиции о романизированном местном населении среднего Подунавья и его борьбе с венграми.

5. Вместе с тем сопоставление показаний венгерского Анонима с данными русской летописи, знавшей длительный период сосуществования славян и волохов на одной территории, полностью исключает возможность отождествления волохов с франками, известными, кстати говоря, летописцу и его источникам под другим именем. Зато упоминание Анонима о «пастухах римлян» свидетельствует как будто бы даже о пастушеском образе жизни валашского населения. Безусловно, внимания заслуживает и то обстоятельство, что волохи были известны Анониму сразу под двумя именами. Тот факт, что он употребляет эти имена параллельно, даже в одной фразе, дает основание предполагать, что венгерским хронистом они были усвоены из двух различных источников. Определение этих источников (они могли быть как литературного, так и фольклорного характера, как местного, так и иноземного происхождения) заслуживает, однако, совершенно самостоятельного рассмотрения. Отметим только, что написание *Blachii* вместо *Vlachii* указывает на византийскую традицию⁵⁹.

Учитывая все эти обстоятельства, представляется наиболее вероятным считать волохов русской летописи и влахов венгерского Анонима каким-то местным романизированным населением Паннонии IX в. Особенности хозяйства и быта пастушеского романизированного населения хорошо освещены более поздними источниками, особенно для стран Юго-Восточной Европы⁶⁰. Иное дело вопрос о происхождении этого населения. При настоящем состоянии источников и исследований проблемы нет возможности ни высказаться в пользу теории их кельтского⁶¹ или фракийского родословия, ни настаивать на непрерывности развития одного и того же романского населения на рассматриваемой территории со II—III вв. н. э.⁶². Но признавая нерешенным вопрос о происхождении волохов и их судьбах на протяжении значительной части эпохи раннего средневековья, нельзя все же не признать, что как венгерский Аноним, так и «Повесть временных лет» являются свидетельствами сложного взаимодействия и сосуществования двух различных этносов: славянского и романского или романизированного — и двух различных культурно-хозяйственных систем: славянской оседлой земледельческой и, по-видимому, романской подвижной пастушеской — в Центральной Европе IX в.

⁵⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Г. Литаврина за это указание.

⁶⁰ См., например: Л. М и л е т и ч, Д. Д. А г у р. Дако-Романите и техната славянска писменност. «Сборник за народни умотворение, наука и книжнина», кн. IX. София, 1893, стр. 20—24 и др.; ср. М. Г у б о п и. La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Âge. «Byzantinoslavica», г. XII. Praha, 1951, с. 29—42.

⁶¹ С. П. Т о л с т о в. «Нарци» и «Волохи» на Дунае. «Советская этнография», 1948, № 2.

⁶² Э. К ондура ки, Ж. С т е ф а н. Восточно-романский мир. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 VIII 1970 г.).